

УДК 821.512.157-1Бестужев-Марлинский.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-33-41

Поэтика северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского

А. И. Ощепкова, Т. С. Монастырев ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ timtortless@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы продиктована тем, что проблема северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева, написанных в период ссылки в Якутске, практически не рассматривалась. Предметом интереса исследователей, как якутских, так и российских, становились прозаические произведения и лиро-эпические поэмы писателя. Между тем именно малые формы лирики поэта-декабриста демонстрируют начало формирования сакрального образа Якутии в русской литературе. Целью статьи является рассмотрение поэтики северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского. Северный локус становится той пространственной точкой, в которой лирическому герою открывается перспектива мифологического инобытия. Текстуальный анализ с целью изучения поэтики лирики А. А. Бестужева-Марлинского позволяет выписать систему образов в художественной картине мира автора, которые определяются как мироощущением, так и мировоззрением поэта-романтика. В качестве инструментов создания системы образов поэт применяет разнообразные приемы: от троп до авторских слов. Немалое значение при этом также имеет специфическое сочетание категорий времени и пространства, подчиненное основным мотивам поэтических произведений автора. В данной работе рассматривается не только то, как средства художественной выразительности передают картину поэтического мира лирического героя, но и формируют атрибуцию северных пространств. Северные пространства через призму романтизма представляют собой идеальную ситуацию, в которой категория дома чаще всего передается через категории воспоминания или мечты. Именно через противопоставление топосов дома и Севера выстраивается итоговая картина окружающего мира, в рамках которого находит себя лирический герой. Также в художественном мире поэта можно проследить разницу между внешним (реальным) и внутренним (перцептуальным) пространством. Однако при этом пространство действительности зачастую сливается с картинами интроспекции, размывая границы между внешним и внутренним. Ассоциации, наделяющие идеальный внутренний мир лирического героя реальными картинами природы (пространство Севера), выполняют функцию достижения гармонии между внутренним и внешним пространствами.

Ключевые слова: северное пространство, лирика А. А. Бестужева-Марлинского, поэтика, хронотоп, метонимия, миф.

Для цитирования: Ощепкова А. И., Монастырев Т. С. Поэтика северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 33–41. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-33-41

Poetics of the northern space in poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky

A. I. Oshchepkova, T. S. Monastirev ✉

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ timtortless@gmail.com

Abstract. The relevance of the topic is dictated by the fact that the problem of the northern space in the poems by A. A. Bestuzhev, written during the period of exile in Yakutsk, has almost not been considered. The subject of interest of researchers, both Yakut and Russian, has become the prose works and lyric-epic poems of the writer. Meanwhile, it is the small forms of the Decembrist poet's lyrics that demonstrate the beginning of the formation of the sacred image of Yakutia in Russian literature. The purpose of the article is to consider the poetics of the northern space in the poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky. The northern locus becomes the spatial point at which the lyrical hero opens up the prospect of mythological otherness. A textual analysis for the purpose of studying the poetics of lyrics by A. A. Bestuzhev-Marlinsky allows us to write out a system of images in the author's artistic picture of the world, which are determined both by the worldview and the worldview of the romantic poet. The poet uses a variety of techniques as tools for creating a system of images: from tropes to the author's words. The specific combination of the categories of time and space, subordinated to the main motives of the author's poetic works, is also of considerable importance. This work examines not only how the means of artistic expression convey a picture of the poetic world of the lyrical hero, but also form the attribution of northern spaces. Northern spaces, through the prism of romanticism, represent an ideal situation in which the category of home is most often conveyed through the categories of memories or dreams. It is through the contrast of the topoi of the house and the North that the final picture of the surrounding world is built, within which the lyrical hero finds himself. Also in the poet's artistic world, one can trace the difference between external (real) and internal (perceptual) space. However, in this case, the space of reality often merges with the pictures of introspection, blurring the boundaries between the external and the internal. Associations that endow the ideal inner world of the lyrical hero with real pictures of nature (the space of the North) perform the function of achieving harmony between the internal and external spaces.

Keywords: Siberian discourse, lyrics by A. A. Bestuzhev-Marlinsky, poetics of the North, lyrical hero, dedication poems, space, poetry of the Decembrists, chronotope, attribution, picture of the world.

For citation: Oshchepkova A. I., Monastirev T. S. Poetics of the northern space in poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky. *Issues of National Literature*. 2023. No. 4 (12). Pp. 33–41. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-33-41

Введение

Якутская тема в творчестве русских писателей давно привлекает внимание исследователей. М. К. Азадовский, сыгравший большую роль в изучении культуры Сибири, кратко охарактеризовал «сибирский текст» в русской литературе как «поэтику гиблого места». Восприятие Якутии через призму изгнанничества – вариации все той же «поэтики гиблого места» [1, с. 4–5]. Н. Н. Тобуроков в своей работе «История якутской литературы» отмечал, что в русской литературе XIX в. образ Якутии приобрел ставшую привычной внешнюю атрибуцию «обширной тюрьмы» и символа страданий именно из-за эстетического подкрепления образа "далекого" края с жестким природным климатом [2, с. 16]. Обращаясь к такой непростой проблеме, как взаимодействие и взаимовлияние литератур, нужно учитывать тот ключевой факт, что «писатели одной

литературы осваивают творческий опыт другой, исходя из внутренних потребностей развития своей национальной литературы» [1, с. 10]. Однако стоит заметить, что, по всей видимости, образ Якутии в лирике поэтов-романтиков носит более насыщенный и разнообразный характер. Так, М. К. Азадовский отмечал огромное значение Якутии в творчестве русских писателей. Исследователь отметил ряд выдающихся русских писателей так называемой «сибирской школы», чье литературное становление сложилось именно в условиях якутской ссылки. Среди них особое место отведено А. А. Бестужеву-Марлинскому.

Первыми описали жизнь народов Якутии ссыльные декабристы. Из тринадцати декабристов, отбывавших ссылку в Якутии, оставили произведения о ней Н. А. Чижов, М. Н. Муравьев-Апостол [1, с. 4]. Ссылку в Сибири не отбывал разве что К. Ф. Рылеев, однако первое упоминание Якутии принадлежало именно его перу: он был первым, кто в поэтической манере изобразил якутский край в поэме «Войнаровский» в 1825 г. [2, с. 16]. Якутский тоpos ярко описан в творчестве еще одного декабриста, А. А. Бестужева-Марлинского. Причем роль творчества этого поэта в формировании окончательного образа Сибири как «обширной тюрьмы» рядом исследователей определяется чуть ли не как основная (Н. Е. Меднис, Н. С. Сологуб, И. Г. Сацук). А. А. Бестужев-Марлинский отбывал ссылку в Якутске с декабря 1827 по июнь 1829 гг. за участие в заговоре декабристов. Время ссылки, об этом можно судить по его записям, отмечалось особой творческой атмосферой: «Покой обитает во всех климатах, и я не знаю того уголка земли, где бы человек мыслящий не мог найти приятных минут» [3, с. 244]. Сибирь для русского романтизма превратилась в топологический аналог романтического Кавказа, т. е. стала одним из эстетических «окон» в Европу. Очутившись в сибирской ссылке, А. А. Бестужев-Марлинский старательно использовал свое положение для формирования европейского романтического канона, в основе которого лежало изображение «природы первобытной и дикой». Романтическое превращение коренных жителей в детей природы было связано с деконструкцией понятий природы и детства. «Настоящее» детство на лоне природы, в соответствии с философскими взглядами В. Татищева и Жан-Жака Руссо, стало представляться более авантажным, т. к. и молодость края стала интерпретироваться как одно из достоинств [4, с. 20]. Но на фоне классических «дикарей» – индейцев, албанцев и шотландских горцев – коренные северяне и жители Сибири являлись менее привлекательными для изображения. В байронический период «ужаса и блеска» тундра и лес все же не стали полноценными конкурентами массивных горных вершин, плодородных долин и бурных потоков (примером подобного тоposa может служить Кавказ). Бестужев-Марлинский, который одним из первых ввел жителей Арктики в высокую литературу, довольно быстро пресытился северным тоposом, считает исследователь А. П. Люсый [4, с. 20]. Между тем Н. Е. Меднис признает за восприятием Сибири ореол «страшного и вместе с тем таинственного, а стало быть, и притягательного». Исследователь находит устойчивым мотив вечности в описаниях Сибири, образ «полупробудившегося творения», созданный именно А. А. Бестужевым-Марлинским. Именно данный образ, широко распространившийся в 30-х гг. XIX в., содержал в себе зачатки того, из чего возникли специфическое восприятие и описание Сибири в творчестве писателей в частности и в литературе 80–90-х гг. XIX в. в целом, поэтически и функционально перекликающиеся с представлением северных областей Америки в литературе американского романтизма. В подобном ключе изучалась и якутская тема в русской литературе. При этом отмечалось, что творчество ссыльных писателей наряду с эстетическими задачами выполняло и функции народознания. Многие их произведения позволяли русскому читателю ознакомиться с незнакомой ему доселе жизнью [1].

Изучение творчества А. А. Бестужева-Марлинского со стороны современных исследователей в основном посвящено его прозаическим произведениям и кавказским

текстам (Н. Н. Алиев, Д. А. Молчанова, С. Рагасова, В. И. Симанков, В. Н. Смирнов, А. А. Хуснутдинов, В. А. Шкерин). Косвенное освещение творчества А. А. Бестужева-Марлинского через призму сибирского дискурса представлено в работах Н. Е. Меднис, посвященных творчеству В. Г. Короленко. Также сибирские тексты автора были затронуты в исследованиях А. П. Люсого и О. И. Ивановой, но они затрагивали лишь его этнографические очерки, при этом игнорируя лирические произведения автора. Поэтические тексты А. А. Бестужева-Марлинского о Якутии до сих пор не освещались в должном объеме. В этой связи представляется важным рассмотреть особенности поэтики северного пространства в его стихотворениях, написанных во время ссылки в Якутске.

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу стихотворного текста, необходимо уточнить, что в качестве методологической базы будут использованы работы М. Л. Гаспарова, М. М. Бахтина, а также исследование В. И. Абрамовой и Ю. В. Архангельской.

Анализ лирики А. А. Бестужева-Марлинского

Наиболее репрезентативным с точки зрения рассмотрения якутского пространства является стихотворение «Шебутуй», написанное в 1829 г. в Якутске. Основной хронотоп в стихотворении не получает конкретизации: в произведении описан водопад Шебутуй, однако категория времени поэтом упускается. Между тем в работах М. М. Бахтина именно категории времени отведено ключевое место в понятии «хронотоп»: время сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, вытягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется именно временем [5, с. 56]. Можно сказать, что время в данном стихотворении отведено на второй план, полностью подчинившись доминанте пространства (на это указывает и само название стихотворения). Пространственным отношениям подчинен также прием авторского словообразования:

Как *летопад* из вечной урны, || UU|U–|U–|U–
 Как неба *звездомлечный* путь, || U–|UU|U–|U–|U–
 Ты низвергаешь волны бурны || UU|U–|U–|UU|U–
 На халцедоновую грудь. || UU|U–|UU|U–|

Склоняет радужные своды, || U–|U–|UU|U–|U
 Полувоздушных перлов мост. || UU|U–|U–|U–|

Ямбическая метрика, несмотря на множество пиррихированных стоп, сохраняется на протяжении всего стихотворения, и поэт последовательно сочетает сложносоставные авторские конструкции с рядом длинных пиррихированных слов, продолжая выстраивать пространство: «летопад» – «низвергаешь», «звездомлечный» – «халцедоновая», «полувоздушные» – «радужные». Больше всего пиррихий (шесть) насчитывается в четвертой строфе, которая имеет больше всего авторских слов («летопад», «звездомлечный»).

Пространственная переменная в стихотворении характеризуется преимущественно пространством открытого типа, которое при этом сочетается с мотивами неволи: «В гранитной зыбля колыбели», «Но, пробужденный, ты, затворы // Ледяных пелен преодолев», «Дуга небесного прощенья // Не озарит лучом своим!». Однако стоит отметить, что глобально пространство стихотворения в виде скал и гор («Глядится в зеркальной скале», «От высоты родимых скал») не поддается однозначной типологизации: в силу относительной отгороженности оно приобретает амбивалентный характер. Подобным свойством также обладает, к примеру, лес, город. Можно сказать, что для лирического героя пространство обретает пограничные черты: последняя треть (последние четыре строфы) стихотворения посвящена интроспекции, когда граница между природой и внутренним миром лирического героя размывается:

Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль...

Именно тогда прорывается «я» лирического героя: в первых двух третях стихотворения преобладали именно местоимения второго лица («Тебя перунами поят», «Ты низвергаешь волны бурны», «И над тобой краса природы», «А ты, клубя волною шибкой», «Твое роптанье — голос милой; // Твой ливень — братний поцелуй!)), пока лирический герой не начинает соотносить окружающие его пейзажи со своим внутренним миром. Именно поэтому данное стихотворение нельзя сравнить с привычными пейзажами, пасторальными картинками.

Таким образом, в стихотворении подана картина природы вперемешку с процессом интроспекции лирического героя: торжественный пейзаж сменяется минорным тоном стенаний. Сам же лирический герой называет себя «певцом», отмечая фаталистичность своей жизни:

Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!

Мотив гибели в творчестве Бестужева-Марлинского также можно найти в более раннем стихотворении «Надпись над могилой Михалевых в якутском монастыре» (1828 г.). Вообще для творчества поэта характерны именно стихи-посвящения: «Имениннику» (1828 г.), «Ей» (1828 г.), «Лиде» (1829 г.), «Тост» (1829 г.), «Эпиграммы» («Люблю я критика Василья...», 1830 г.). Причем можно сказать, что подобные посвящения составляют основу поэтического наследия А. А. Бестужева-Марлинского. Важно отметить, что стихи-посвящения зачастую размывают границу между лирическим героем и автором — можно утверждать, что лирический герой в подобных стихотворениях неотделим от автора:

Пришлось приняться за перо,
Хоть я забыл в угрюмой доле
Писать забавно и пестро.
Примите ж это благосклонно,
И в шуме праздничного дня
Не осудите вы меня («В день именин», 1829 г.).

Подобное было замечено М. Л. Гаспаровым (на примере лирики Б. Л. Пастернака): «Образ выводится не из состояния объекта, а из состояния субъекта, смежного с объектом: при желании в этом можно почувствовать метонимию» [6, с. 388].

В «Надписи» лирический герой растворен во времени: лаконичный хронотоп «здесь» дает максимально обобщенное представление о времени, концентрируясь на образе могилы:

Неумолимая, холодная могила
Здесь седины отца и сына цвет сокрыла

Лаконичность также проявляется в основных тропах, подобранных автором: метонимия («седины отца и сына цвет»), метафора («Один под вечер дней, другой в полудни лет», «горевшие сердца», «Покой вкусили», «незримый след»). Лирический герой также растворен в абстрактном образе коллективного («Мы плачем», «И все мы»). Множественное число перекликается с формой множественного числа фамилии «Михалевы», которым посвящено стихотворение. В образе расплывчатого «мы лирический герой изображает в том числе и себя, в нем также можно усмотреть еще один прием: синекдоху.

Пространство постоянно находится в динамике и претерпевает одну трансформацию за другой: от «холодной могилы» до «пределов вечности», от хронотопической категории «здесь» до категории «вдали». Причем перцептуальное пространство в стихотворении явно доминирует над пространством конкретным. Поэт на уровне подтекста противопоставляет конструкции «холодная могила» и «горевшие сердца». Таким образом, он последовательно выстраивает мотив ухода души после смерти, из пространства материального («...холодная могила // Здесь...») к пространству духовного («вдали утешный голос веет»).

Стихотворение «В день именин» (1829 г.) рисует уже более подробный пейзаж северного пространства:

Но, ах! – якутская весна
Не зелена и не красна!
И здешний май, холодный, дикой,
Одной подснежною брусничкой,
А не жасминами богат.

Здесь мы также можем видеть примеры метонимии, которые позволяют лаконично выстроить емкий образ. Отрицательная коннотация Севера ближе к середине сменяется автором на сдержанно-положительную:

В краю зимы и дружбы зимной,
Поверьте, только вы одне,
Ваш разговор гостеприимный
Напоминал друзьям и мне
О незабвенной стороне.

Обращает на себя внимание авторское слово «зимной». Очевидно нарушение морфологической нормы: видна намеренная ошибка в написании прилагательного «зимний» (обратим внимание на тот факт, что форма прилагательного «зимной» не является морфологической нормой тех времен. К примеру, стихотворение А. С. Пушкина озаглавлено именно как «Зимний вечер» (1825 г.)). Из-за подобной игры слов, образовавшаяся конструкция «зимной» созвучна с другими словами, вбирая в себя сразу два значения: «земной» и «зимний». Подобный прием также можно рассматривать как частный случай авторской синекдохи. Данное авторское слово можно назвать искусственно созданной квинтэссенцией категории «пространства-времени», внезапно проявившимся в тексте хронотопом, призванным, возможно, разрушить привычное представление о Севере как об inferнальном месте, о котором ссыльные говорили с ужасом [7, с. 293]. Поэт, возможно, как бы намекает на земную принадлежность данных территорий.

К концу стихотворения пространственные отношения приобретают контрастный характер: пространство Севера противопоставляется городу (Санкт-Петербургу).

Когда ж на берега великой,
На берега моей Невы,
Покинув край морозов дикой,
Стрелою полетите вы,
Да встретят путницу родные
Беспечной юности друзья,
И все по сердцу не чужие.

При противопоставлении выстраивается отрицательная коннотация образа Севера: на «берегах великой Невы» именинницу окружают люди «по сердцу не чужие», а Север,

следовательно, представлен людьми чуждыми, является «краем морозов дикой». При этом посвящение имениннице ближе к концу сильнее начинает приобретать ироничные черты:

Зачем же, искра упования –
 Дожить до сладкого свиданья, –
 В груди моей погасла ты!
 Но я ступил из-за черты
 Сорокаверстного посланья.
 И мне, и вам унять пора
 Болтливость моего пера,
 <...>
 Тут не сплетал из лести кружев
 Ваш всепокорнейший слуга
 (Пустынник Александр Бестужев).

Лирический герой в лице автора хоть и посвятил адресату полное похвальбы стихотворение, но при этом, похоже, относится не слишком серьезно к ней и к ее окружению. В таком случае хронотопическая категория «зимной» в авторском исполнении приобретает ироническую коннотацию.

Очередное пейзажное стихотворение поэта облачено в привычную для него форму посвящения: «К облаку» (1829 г.). Стихотворение уделяет внимание пространству воздушному, аморфному («Скиталец поднебесный? // Земли бездомное дитя, // Игналище погоды»), но оттого не менее несвободному: в стихотворении вновь проявляется мотив неволи как основной лейтмотив лирики поэта. Как и в «Шебуте», автор отмечает фаталистичность судьбы и неизменность всего сущего через призму природных явлений:

Завоет вихрь, взметая прах,
 И ты из лона звездна
 Дождем растаешь на степях
 Бесславно, бесполезно!..

Случаи аллитерации («Бесславно, бесполезно!.. // Блести, лети») предвещают трагическую развязку. В лингвистической поэтике однозначно подтверждается, что звуковые повторы в стихе создают не только драматическое психологическое напряжение, но и способствуют возникновению сценического напряжения [8, с. 248]. Что мы и наблюдаем в конце стихотворения:

Блести, лети на ветерке
 Подобно нашей доле –
 И я погибну вдалеке
 От родины и воли!

Основной хронотоп в стихотворении подается лишь под конец стихотворения. Причем сделано это автором в опосредованной манере – Север превращается в пространство чужеземья и неволи, поскольку противопоставляется концепту «родина и воля». Но если в стихотворении «В день именин» (1829 г.) подобного рода противопоставление депингуется (нивелируется) общей ироничной тональностью, то в данном стихотворении противопоставление окрашено в трагичные оттенки – ведущий мотив неволи снова сочетается с пространством Севера.

Обращает на себя внимание и образ облака. В исследовании В. И. Абрамовой и Ю. В. Архангельской отмечено, что облако в одной из своих интерпретаций выступает как квазисимвол ирреального пространства [9, с. 4]. Так что, можно сказать, что поэт последовательно переносит из одного стихотворения в другое интерпретацию северного

пространства как места потустороннего. В подтверждение данного тезиса говорит и слабая позиция категории времени в стихотворениях поэта, поскольку пространство ирреальное предполагает отсутствие привычных нашему миру законов физики.

Заключение

Автор вырисовывает северный топос с помощью лаконичных метономичных штрихов, делая акцент на пространстве перцептуальном, которое формируется при слиянии пространства действительности с интроспекцией. Причем в лирике автора наблюдается развитие рассмотрения образа Якутии: к примеру, если в «Надписи над могилой Михалевых в якутском монастыре» (1828 г.) в основном доминируют метафорические и метонимические конструкции, то в «Шебутуе» (1829 г.), в одном из последних стихотворений якутской ссылки автора, уже появляются авторские слова. Часто пространство действительности в творчестве поэта имеет отрицательную коннотацию, выражающуюся в ограниченности и неволе. В совокупности с творчеством других ссыльных авторов А. А. Бестужев-Марлинский формирует атрибуцию Сибири как «инфернального места», которая долгое время будет доминировать внутри сибирского дискурса. Между тем А. А. Бестужева-Марлинского можно назвать одним из первых поэтов, который углубил мифологическую интерпретацию северного пространства: «чужие» пейзажи Якутии перекликаются с внутренними картинками лирических героев, чувствующих свою фактическую неволю на фоне бескрайних пространств сибирского края. Подобное отношение к топосу Сибири в общем и топосу Якутии в частности неразрывно связано с биографией самого поэта, для которого ссылка в далекий край стала фактически символом неволи (при всей парадоксальности отношений между колоссальными территориями Сибири и категорией «неволя»). Общее фаталистическое настроение передается от стихотворения к стихотворению: лирические герои ненароком превращаются в узников обширных пространств. Таким образом, можно сказать, что поэтика пространственного образа Севера в лирике А. А. Бестужева-Марлинского обнаруживает глубинную семантику «чужого места» и мыслится местом обретения духовного опыта.

Л и т е р а т у р а

1. Емельянов, И. С. Русско-якутские литературные связи в прозе (конец XIX – начало XX в.) / И. С. Емельянов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 111 с.
2. История якутской литературы (середина XIX–начало XX века) / Н. Н. Тобуроков, Г. С. Сыромятников, Н. А. Габышев, М. Г. Михайлова. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. – 196 с.
3. Иванова, О. И. Концепт «Якутия» в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского / О. И. Иванова // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – № 1 (2). – С. 244–245.
4. Люсый, А. П. Локализация триалектики сибирская идея, сибирский прием, сибирский текст / А. П. Люсый // Идеи и идеалы. – 2011. – № 3 (9). – С. 17–26.
5. Политов, А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина / А. В. Политов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 50–61.
6. Гаспаров, М. Л. Владимир Маяковский / М. Л. Гаспаров // Очерки истории языка русской поэзии XX века : Опыт описания идиостилей. – Москва : Наследие, 1995. – С. 363–395.
7. Данилова, Н. К. «Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского / Н. К. Данилова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 288–301.
8. Сулейманов, Ю. А. Аллитерация в поэтической системе речи / Ю. А. Сулейманов // Вестник Нижегородского университета им. Н. А. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 247–252.
9. Абрамова, В. И. Облако в символической культуре / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2020. – № 4 (29). – С. 1–6.

References

1. Emel'yanov, I. S. Russko-yakutskie literaturnye svyazi v proze (konec XIX – nachalo XX v.) / I. S. Emel'yanov. – Novosibirsk : Nauka, 2001. – 111 s.
2. Istoriya yakutskoj literatury (seredina XIX–nachalo XX veka) / N. N. Toburokov, G. S. Syromyatnikov, N. A. Gabyshev, M. G. Mihajlova. – Yakutsk : YANC SO RAN, 1993. – 196 s.
3. Ivanova, O. I. Koncept «Yakutiya» v proizvedeniyah A. A. Bestuzheva-Marlinskogo / O. I. Ivanova // Obrazovanie i nauka v sovremennyh usloviyah. – 2015. – № 1(2). – S. 244–245.
4. Lyusyj, A. P. Lokalizaciya trialektiki sibirskaya ideya, sibirskij priem, sibirskij tekst / A. P. Lyusyj // Idei i idealy. – 2011. – № 3(9). – S. 17–26.
5. Politov, A. V. Ontologicheskij smysl ponyatiya hronotopa v filosofskih ideyah A. Uhtomskogo i M. Bahtina / A. V. Politov // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – 2014. – T. 14. – Vyp. 4. – S. 50–61.
6. Gasparov, M. L. Vladimir Mayakovskij / M. L. Gasparov // Oчерки istorii yazyka russkoj poezii XX veka : Opyty opisaniya idiosilej. – Moskva : Nasledie, 1995. – S. 363–395.
7. Danilova, N. K. «Voobrazhenie Severa» v avtorskom landshafte V. L. Seroshevskogo / N. K. Danilova // Nauchnyj dialog. – 2022. – T. 11. – № 6. – S. 288–301.
8. Sulejmanov, Yu. A. Alliteraciya v poeticheskoy sisteme rechi / Yu. A. Sulejmanov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. A. Lobachevskogo. – 2019. – № 6. – S. 247–252.
9. Abramova, V. I. Oblako v simbolarii russkoj kul'tury / V. I. Abramova, Yu. V. Arhangel'skaya // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. – 2020. – № 4 (29). – S. 1–6.

ОЩЕПКОВА Анна Игоревна – к. филол. н., доцент зав. кафедрой русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Email: oshchepkova.anna@mail.ru

OSHCHEPKOVA Anna Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of 20th Century Russian Literature and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МОНАСТЫРЕВ Тимур Степанович – магистрант филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Email: timtortless@gmail.com

MONASTYREV Timur Stepanovich – Master's student, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.